

У ОБЕЛИСКА БЛИЗ ЧЕРНОЙ РЕЧКИ

«Дуэль происходила близ Черной речки, за Комендантской дачей. ... Здесь Пушкин получил смертельную рану. В дни, когда угасала его жизнь, толпы народа стояли на набережной Мойки перед домом Волконской; затаив дыхание, ожидали вестей. Но надежды были тщетны. Пушкин скончался 29 января (старого стиля) 1837 года... Петербург в это время, по свидетельству очевидцев, напоминал Париж в дни революции».

Н.П. Анциферов. Петербург Пушкина.

«Пушкин является в той же мере творцом образа Петербурга, как Петр Великий – строителем самого города» - так выразил своё мнение мой знаменитый земляк Николай Павлович Анциферов. Этот город необыкновенной красоты, гармонии пространств и белых ночей был для Пушкина источником вдохновения, символом величия России, местом обитания семьи и многочисленных друзей. В этом городе, которому он посвятил свой поэтический гимн «Люблю тебя, Петра творенье», поэт провёл лучшие годы юности и годы зрелости, наивысшего напряжения духовных сил, творческого подъёма и бранных житейских проблем. И в нем, наконец, наступила трагическая развязка – дуэль близ Чёрной речки - апофеоз страданий и фатализма в судьбе. После 27 января 1837 года всякое упоминание местности, именуемой теперь историческим районом «Чёрная речка», для русского человека ассоциируется со смертельным поединком Пушкина. Дух места, *genius loci*, обитающий в сквере у всенародно известного обелиска, доступен для общения каждому, кто искренне, без патетики и громких слов чтит память величайшего поэта всех времён и народов России.

ПРЕДИСЛОВИЕ. МЕСТНОСТЬ БЛИЗ ЧЁРНОЙ РЕЧКИ

Всякий раз, когда есть возможность побывать 8 февраля у обелиска, я делаю свой первый шаг пути к нему около четырех часов пополудни на перроне станции метро «Чёрная речка». Изысканно-строгий внешний вид этой станции, открытой в 1982 году, обращен к «чувствам добрым» памяти Александра Сергеевича и создает ощущение гармонии пространства, сотворенного в земной глубине. Бронзовый Пушкин работы Аникушина стоит в крылатке у торцевой стены бежевого мрамора, на отворотах крылатки - мех, у ног - вазы с цветами. Усталое, отрешенное лицо, кисти рук выразительно скрещены; кажется, он ожидает окончания подготовительных процедур предстоящей дуэли и вот-вот спросит, скоро ли это закончится. Условия дуэли смертельные и Поэт, подошедший к моменту истины, не безвольно, но «смирненно склоняется перед неизъяснимым». О чём его мысли перед вечностью? О том ли, что ещё далеко не закончил свою исповедь в поэзии и прозе? Или о том, что, оставляя семью, не сделал последних распоряжений по немалым долгам? Или о «родном пепелище и отеческих гробах», любовь к которым иссякнет лишь с последним земным вздохом и перейдёт в иные миры? Или,

может быть, он повторяет строки своего переложения сирийского поэта и философа преподобного Ефрема Сирина:

Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи ...

Выхожу из метро, привычно направляюсь налево по набережной Чёрной речки, дохожу до Ланского моста и перехожу на другую сторону набережной, где начинается одноименное шоссе. Мне хорошо знакома эта местность от левого берега Чёрной речки до проспекта Энгельса, входившая в 1970-х годах в мой студенческий ареал обитания на Выборгской стороне, центр которого находился в доме №1 по 1-му Муринскому проспекту. Местность эта, получившая название «мыза Ланская», была пожалована Екатериной II воспитаннику Потемкина, генерал-поручику, генерал-адъютанту, действующему камергеру и вместе с тем любимому фавориту Александру Дмитриевичу Ланскому незадолго до его странной, трагической смерти 26 лет от роду в июле 1784 года¹. Екатерина II так описывала болезнь и смерть Ланского: «Злокачественная горячка в соединении с жабой свела его в могилу в пять суток». Незадолго до случившейся трагедии она начала писать письмо барону Фридриху Гримму и закончила его уже после похорон: «Когда я начинала это письмо, я была счастлива, и мне было весело, и дни мои проходили так быстро, что я не знала, куда они деваются. Теперь уже не то: я погружена в глубокую скорбь, моего счастья не стало. Я думала, что сама не переживу невознаградимой потери моего лучшего друга, постигшей меня неделю тому назад. Я надеялась, что он будет опорой моей старости: он усердно трудился над своим образованием, делал успехи, усвоил мои вкусы. Это был юноша, которого я воспитывала, признательный, с мягкой душой, честный, разделяющий мои огорчения, когда они случались, и радовавшийся моим радостям. Словом, я имею несчастье писать вам, рыдая... Не знаю, что будет со мною; знаю только, что никогда в жизни я не была так несчастна, как с тех пор, как мой лучший и дорогой друг покинул меня...»².

Владели этой местностью Ланские до 1889 года, вплоть до продажи имения в Департамент уделов. Среди владельцев был министр внутренних дел, один из авторов крестьянской реформы Сергей Степанович Ланской, упоминаемый Пушкиным в качестве «Ланского, что губернатором в Костроме» в коллективном, полном юмора, стихотворении «Надо помянуть, непременно помянуть надо»³. Его жена, Варвара Ивановна Ланская, урождённая княгиня Одоевская, содержала популярный в столице литературный салон, который посещал и Пушкин. Одним из друзей Александра Сергеевича был двоюродный племянник Варвары Ивановны - писатель, журналист,

литературный и музыкальный критик, соредатор послепушкинских изданий «Современника» Владимир Фёдорович Одоевский. В 1830 году начинается их сотрудничество в «Литературной газете» и затем в «Северных цветах». В 1836 году Одоевский становится деятельным помощником Пушкина в редактировании и издании «Современника», публикует там несколько своих статей. Одоевскому принадлежит написанная незадолго до смерти Александра Сергеевича статья «О нападении петербургских журналов на русского поэта Пушкина»⁴ и некролог Пушкину («Солнце русской поэзии закатилось»). Второй двоюродный племянник Варвары Ивановны - блестяще и всесторонне образованный князь, поэт, декабрист Александр Иванович Одоевский был автором поэтического ответа декабристов на послание им в Сибирь Пушкина: «Струн вещей пламенные звуки/ До слуха нашего дошли...». Элитный аристократ, сын боевого генерала, Александр Одоевский сознательно шёл на смерть 14 декабря 1825 года в надежде на обновлённое будущее России. «Мы умрём. Ах, как славно мы умрём! – восклицал он накануне восстания. Трогательная дружба связывала Одоевского с Лермонтовым: «Я знал его: мы странствовали с ним/ В горах востока, и тоску изгнанья/ Делили дружно ...»

Собственно, Чёрной речкой местность стала называться с начала 19-го века, когда здесь появились загородные дома. И довольно скоро эта живописная окраина Петербурга стала популярным местом отдыха: здесь часто устраивались народные гуляния, а летом петербуржцы, имевшие на то средства, снимали жилье. Пушкин во время работы над историей Пугачева снимал тут с семьей дачу Миллера, которая находилась на месте дома № 57 по Белоостровской улице. Здесь у них родился сын Александр, отсюда Александр Сергеевич совершал свои пешие переходы в столичные архивы. Одновременно визитной карточкой этой уединённой и в то же время имеющей хорошую дорожную связь с центром Петербурга местности стали дуэли. Сколько их здесь было вплоть до начала XX-го века – того неведомо. Со времен Петра дуэли на Руси были запрещены, и за них полагалась смертная казнь, ни разу, кажется, не применённая. Такой кровавый способ разрешения конфликтов не мог считаться и справедливым: на поединках побеждала не справедливость, а случай, умение, удача. И всё же дуэль позволяла напрямую воззвать к некой высшей справедливости и, хоть и рискуя собственной жизнью, поставить недоступного человеческому суду обидчика к барьеру, и в очном поединке решить несовместимые с понятиями чести и достоинства проблемы. В этом выборе оскорблённого человека появлялась для него возможность возвыситься над писаными, а тем более - над не писаными законами общества. Вошедшие в историю дуэли близ Чёрной речки либо прямо связаны с поединком Пушкина, как это было у Лермонтова, либо несут в себе частицу этого поединка, как это было у поэтов Серебряного века, решивших испытывать судьбу «если не той самой парой пистолетов, которой стрелялся Пушкин, то во всяком случае современной ему»⁵. В том же ряду может быть упомянута дуэль Чернова и Новосильцева, где одним из секундантов был Кондратий Рылеев, с которым, весьма вероятно, Пушкин и сам сходил в поединке. Гипотезу о том, что эта дуэль «состоялась приблизительно 1 мая 1820 года» в рылеевском имении Батово под Гатчиной выдвинул в своё время Владимир Набоков⁶. Судьбы поэтов, имевших прямое отношение к дуэлям близ Черной речки - Рылеева, Гумилева, Пушкина, Лермонтова - трагичны: двое признаны существовавшим правосудием государственными преступниками и казнены, а смерть на поединках двух других была великим несчастьем и настоящей катастрофой для России.

В НОВОЙ ДЕРЕВНЕ У ЧЁРНОЙ РЕЧКИ

Он писал стихи, насыщенные терпкой прелестью, обвеянные ароматами высоких гор, жарких пустынь, дальних морей и редких цветов, прекрасные, полнозвучные, упругие стихи, в которых краткая и емкая форма вмещает гораздо больше, чем сказано. Странствующий рыцарь, аристократический бродяга, - он был влюблен во все эпохи, страны, профессии и положения, где человеческая душа расцветает в дерзкой героической красоте.

А.И.Куприн. Крылатая душа.

Недалеко от Ланского моста в районе нынешней железнодорожной станции «Новая деревня», на рассвете 22 ноября 1909 г. стрелялись Максимилиан Волошин и Николай Гумилев. Накануне Волошин прилюдно, в Мариинке, дал пощечину Гумилеву, вступившись, по его мнению, за честь молодой поэтессы Елизаветы Дмитриевой - героини мистификации, в которой Волошин был автором идеи, руководителем проекта и режиссером-постановщиком...

А начиналась история с мистификацией в августе 1909 года, когда редактор журнала "Аполлон" Сергей Константинович Маковский получил письмо от неизвестной поэтессы, предлагавшей свои стихи. «Поэтесса, - вспоминал потом Маковский, - как бы невольно проговаривалась о себе, о своей пленительной внешности и о своей участи, загадочной и печальной». Почерк ее был изящен, бумага пропитана пряными духами, листки стихов переложены засушенными растениями. Вскоре таинственная незнакомка сама позвонила Маковскому - и тот услышал обворожительный голос. Были присланы ещё несколько стихотворений и вся редакция «Аполлона» безоговорочно решила их печатать. Постепенно из телефонных бесед и стихов становилось известно, что у неё бронзовые кудри, бледное лицо с ярко очерченными губами, что она испанка, ревностная католичка, что ей восемнадцать лет, что строгое воспитание получила в монастыре и находится под надзором отца-деспота и монаха-иезуита, её исповедника. Чарующей музыкой звучало её имя - Черубина де Габриак и стихи ее были изысканны:

Царицей призрачного трона
Меня поставила судьба...
Венчает гордый выгиб лба
Червонных кос моих корона.
Но спят в угаснувших веках
Все те, что были бы любимы,
Как я, печалию томимы,
Как я, одни в своих мечтах.
И я умру в степях чужбины,
Не разомкну заклятый круг.
К чему так нежны кисти рук,
Так тонко имя Черубины?

Не только Маковский, мечтавший и умолявший о свидании, но и большинство «аполлоновцев» влюбились в прекрасную незнакомку, не сомневаясь в её красоте. Надо полагать, Николай Гумилёв догадывался, кто именно скрывается под именем Черубина де Габриак, поскольку имел возможность изучить поэтический материал Елизаветы Дмитриевой во время романтического периода их отношений. Знал о мистификации Алексей Толстой, безуспешно пытавшийся уговорить друга Волошина подумать о последствиях и прекратить спектакль. Но только спустя три месяца слишком далеко, вплоть до галлюцинаций героини, зашедшая история завершилась признанием Елизаветы Дмитриевой своему милому другу Иоганнесу фон Гюнтеру, и тот немедленно понёс сенсационную новость «в массы». В ходе последовавших событий Гумилёву было брошено обвинение «в произнесении некоторых слов» в адрес Дмитриевой. В своих воспоминаниях Алексей Николаевич Толстой по этому поводу написал: «Здесь, конечно, не место рассказывать о том, чего сам Гумилёв никогда не желал делать достоянием общества. Но я знаю и утверждаю, что обвинение, брошенное ему, - в произнесении некоторых неосторожных слов было ложно: слов этих он не произносил и произнести не мог. Однако из гордости и презрения он молчал, не отрицая обвинения, когда же была устроена очная ставка, и он услышал на очной ставке ложь, то он из гордости и презрения подтвердил эту ложь»⁷. Из всей возникшей путаницы, мистификации и лжи с последующим прилюдным оскорблением Николай Гумилёв видел только один выход - дуэль на пяти шагах до смерти одного из соперников. Лишь с большим трудом в результате двухдневных переговоров секундантам во главе с Алексеем Толстым удалось увеличить дистанцию до 15 шагов. Стреляться решили на Чёрной речке и непременно на пистолетах пушкинской поры. Распорядителем дуэли выбрали Толстого, секунданта Волошина. После первого счёта на три раздался выстрел Гумилёва - он промахнулся. Ответного выстрела не последовало – у Волошина, по его утверждению, была осечка. Гумилёв потребовал второго выстрела противника и вновь подошёл к барьеру. Толстой слышал, как щёлкнул курок, но выстрела не было. Почувствовав неладное, он подбежал к Волошину, выдернул из его дрожащей руки пистолет и, целя в снег, разрядил. Гумилев настаивал на третьем выстреле, но секунданты, посоветовавшись, объявили дуэль законченной...

Пройдёт двенадцать лет и Николай Степанович Гумилев вновь окажется под пулями в Петрограде. Он, русский офицер, дважды кавалер Георгиевского креста, убеждённый монархист не примет случившихся революций, не оставит Россию, страшно возмутится расстрелом царской семьи, воскликнув: «Никогда им этого не прощу!», 3 августа 1921 года будет арестован по делу так называемой «Петроградской боевой организации» (заговор Таганцева) и в ночь с 24 на 25 августа 1921 г. его расстреляют. Исполнители расстрела будут поражены его самообладанием, не ведая, конечно, того, что для Гумилёва любой человек лишь «настолько человек, насколько побеждает свой страх». Он - поэт, романтик, авантюрист, путешественник, покоритель женских сердец всегда будет идти по линии наибольшего сопротивления. Его путешествия в любимую Африку отнюдь не будут туристическими поездками туда, где на озере Чад «изысканный бродит жираф». Это будут серьёзные исследовательские экспедиции, которые доберутся до мест, где ещё не видели белых людей. И встречать там Гумилёва будут по-разному:

Вождь их с рыжею шапкой косматых волос
Смертный мне приговор произнёс,
И насмешливый взор из-под спущенных век
Видел, сколько со мной человек.

Завтра бой, беспощадный, томительный бой
С завывающей чёрной толпой.
Под ногами верблюдов сплетение тел,
Дождь отравленных копий и стрел.

На первую мировую Николай Степанович, обладатель белого билета, пойдёт добровольцем и воевать «за Веру, Царя и Отечество» будет не где-нибудь, а в разведке лейб-гвардии уланского полка, где запредельная храбрость считалась нормой. И георгиевские кресты ему дадут не просто так, и офицерское звание он тоже заслужит на поле боя. Революцию Гумилёв встретит во Франции, где будет находиться в составе русского экспедиционного корпуса. Там, в сентябре 1917 года, в русском военном лагере Ля-Куртин случится эпизод, который мог и без «Дела Таганцева» решить судьбу поэта в послереволюционной России применением «высшей меры социальной защиты». Тогда на подавление взбунтовавшихся после работы агитаторов частей русского экспедиционного корпуса были выдвинуты оставшиеся верными Временному правительству войска. Мятеж подавят «с применением массивного артиллерийского обстрела» и одним из участников подавления будет офицер для поручений при комиссаре правительства Николай Гумилёв.

А после октября 1917 года поэт совершит очередной «перпендикулярный» поступок - кружным путём через Лондон и Мурманск проберётся из Парижа в революционный Петроград. И там, в условиях голода, холода, дизентерии, тифа и, наконец, красного террора, разовьёт невероятную активность. Он будет вести занятия, читать лекции в Доме Искусств, в Пролеткульте, в Балтфлоте, в Институте живого слова, в «Звучащей раковине» и в Клубе петроградской милиции. Наконец, он возродит свой «Цех поэтов», организует его издательскую деятельность, переиздаст свои «Романтические цветы» и «Жемчуга» и затем издаст три новые книги. В середине 1918 года Гумилёв по предложению Горького начнёт работу в издательстве «Всемирная литература», где будет писать предисловия и примечания, править чужие переводы и много переводить сам. В это же время возродится и бывшее противостояние символистов и акмеистов, которое приобретёт очертания персональной оппозиции Блок - Гумилёв. Триада же «За Веру, Царя и Отечество», с которой воевал на фронтах Гумилёв, к 1921 году претерпит существенные изменения. Династия Романовых будет сначала предана, а затем обезглавлена, Отечество - Российская империя сократится и, по сути, это будет уже другая страна. Останется Вера, и поэт будет размахисто креститься на храмы, истово молиться; частью его Веры будет и эта торопящаяся активность последних трёх земных лет. За десять месяцев до гибели, в октябре 1920 года Гумилёв закажет в Знаменской церкви поминальную службу «боярину Михаилу» (своему любимому поэту Лермонтову) и во время службы ему покажется, что единожды батюшка всё-таки произнесёт: «За упокой раба божия Николая». А в последний свой земной день он напишет на стене одиночной камеры: «Господи, прости мои прегрешения! Иду в последний путь. Н. Гумилёв». И, может быть, на этом коротком пути, пройденном им с улыбкой, да с выкуренной папиросой, он будет повторять строки своего «Рыцаря счастья»:

Как в этом мире дышится легко!
Скажите мне, кто жизнью не доволен,
Скажите, кто вздыхает глубоко,
Я каждого счастливым сделать волен.

Пусть он придет, я расскажу ему
Про девушку с зелеными глазами,
Про голубую утреннюю тьму,
Пронзенную лучами и стихами.

Пусть он придет! Я должен рассказать,
Я должен рассказать опять и снова,
Как сладко жить, как сладко побеждать
Моря и девушек, врагов и слово...

Пройдёт ещё восемь лет и смертное колесо «классовой борьбы» докатится до Николая Павловича Анциферова и уже он, арестованный по делу общества «Воскресение», на стене одиночной камеры оставит свою запись - отрывок из стихотворения Владимира Соловьёва «Бедный друг, истомил тебя путь...»:

Смерть и Время царят на земле, -
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Для узников «дома на Шпалерной»⁸, эти строки будут лучиком света в их страшных испытаниях. Люди, знавшие Николая Павловича, не сомневались в том, что эти строки написал именно он – таков был нравственный авторитет этого человека. А сам Николай Павлович напишет об этих днях Вербной недели 1929 года: «Упал нож гильотины и надвое разрубил мою жизнь. То, что осталось позади, было полно смысла. А что впереди, да и будет ли это «впереди»? Или скоро кончится? Совсем кончится. Исход дела лицеистов и дела Таганцева нам был известен. Можно было ожидать всего, надо быть ко всему готовым»⁹...

У ПАРГОЛОВСКОЙ ДОРОГИ ЗА ЧЁРНОЙ РЕЧКОЙ

Он подражал в стихах Пушкину и Байрону и вдруг начал писать нечто такое, где он никому не подражал, зато всем уже целый век хочется подражать ему. Но совершенно очевидно, что это невозможно, ибо он владеет тем, что у актера называют «сотой интонацией». Слово слушается его, как змея заклинателя: от почти площадной эпиграммы до молитвы. Слова, сказанные им о влюбленности, не имеют себе равных ни в какой из поэзий мира...

А.А. Ахматова

Михаил Юрьевич Лермонтов был обречён с тех пор, как написал своё гневное стихотворение «Смерть поэта», помеченное на одном из списков кем-то из «доброжелателей» как «Воззвание к революции» и отправленное почтой государю императору. Обнаружив это стихотворение с добавленными к нему эпитафией и заключительными шестнадцатью строками, Лермонтов бесстрашно стал на сторону

покойного Пушкина и принял бесчестие и ссылку на Кавказ со спокойным мужеством мученика. «Светские цепи» по возвращении поэта в Петербург добавили ему новых врагов, и вскоре после маскарада по случаю нового 1840 года, где Лермонтов надерзил двум молодым дамам в голубом и розовом домино, не «узнав» в них великих княжон, он пишет стихотворение, ставшее, очевидно, ключевым в дальнейшем развитии событий:

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
 Давно бестрепетные руки, -
Наружно погружаясь в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту
 Погибших лет святые звуки.

...

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю
И шум толпы людской спугнет мечту мою
 На праздник нёзванную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
 Облитый горечью и злостью!

Это язвительное стихотворение, опубликованное в «Отечественных записках» под названием «1 января», вызвало негодование света. И вскоре закручивается интрига с участием очередного замеченного в волокитстве француза - молодого и пылкого Эрнеста де Баранта. Из чьих-то запасников, как из табакерки, вдруг «выскакивает» старая, ещё юнкерская, плодово-ягодная эпиграмма Лермонтова на его влюбчивого соученика Шаховского «О как мила твоя богиня/ За ней волочится француз ...», где под богинею подразумевалась гувернантка семейства, посещаемого Шаховским, а под французом - офицер юнкерской школы Клерон. Чья-то умелая рука слегка модифицирует первую строку («О как мила моя богиня») и переадресовывает эпиграмму самому Лермонтову в связи с его увлечением княгиней Марией Щербатовой, к которой де Барант, «приволакивавшийся за женою консула в Гамбурге Бахерахт», испытывает безответные чувства «салонного Хлестакова». Тем не менее, уязвлённое самолюбие менее удачливого кавалера де Баранта можно считать лишь третьестепенной причиной возникшего противостояния с Лермонтовым. Графиня Евдокия Петровна Ростопчина в письме Александру Дюма упоминала иную, главную причину: «Несколько успехов у женщин, несколько салонных волокитств вызвали против него вражду мужчин; спор о смерти Пушкина был причиной столкновения между ним и г. де Барантом, сыном французского посланника ...»¹⁰. К этому можно добавить свидетельство караульного офицера Горожанского о высказывании арестованного после дуэли Лермонтова, где он проводил аналогию между двумя соплеменниками: «Эти Дантесы и де Баранты заносчивые сукины дети»¹¹. В почти дословно описанном эпизоде

ссоры с Лермонтовым 16 февраля на балу у графини Лаваль¹² француз явно напрашивается на дуэль, ведёт разговор во все более непозволительном для чести тоне. И сам же делает вызов, считая себя оскорблённой стороной. Михаил Юрьевич с этим соглашается, и, похоже, делает это сознательно, полагая за собой право на оскорбление «этих Дантесов и де Барантов»... Испытывали судьбу за Чёрной речкой у Парголово (ныне проспект Тореза), предположительно на южной окраине нынешнего Сосновского парка, в воскресенье 18 февраля 1840 года. Сначала, по условиям француза, дрались на французских шпагах. Лермонтов не был искушен в таком фехтовании: он русский кавалерийский офицер и его оружие – сабля. После нескольких выпадов у Лермонтова ломается конец шпаги и де Барант наносит ему скользящий удар в грудь. Рана неглубокая, острие шпаги проходит вдоль правого бока, но у Лермонтова из царапины пошла кровь. Затем перешли на пистолеты с барьером в двадцать шагов. Выдержав выстрел соперника, Лермонтов, по свидетельству очевидцев вгонявший при стрельбе пулю в пулю, выстрелил «на воздух», что по неписанным дуэльным канонам считалось оскорбительным для соперника. Но француз до времени того не ведал ...

10 марта Лермонтов был арестован и отправлен на гауптвахту. Судебное дело должно было бы завершиться достаточно мирным для него исходом. 15 марта Белинский пишет в Москву В.П. Боткину: «Государь сказал, что если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним делать, но когда с французом, то три четверти вины слагается»¹³. Было известно предубежденное отношение государя императора к Июльской монархии, а значит, и к посланнику короля Луи Филиппа. Военно-судная комиссия установила, что Лермонтов «вышел на дуэль не по одному личному неудовольствию, но более из желания поддержать честь русского офицера». Находясь под арестом, Михаил Юрьевич много читал, написал свою изумительную балладу «Воздушный корабль», этапное из социально-эстетической проблематики стихотворение «Журналист, читатель и писатель», подготовил к изданию сборник своих стихов (вышел осенью 1840).

Но дуэль рушила планы Барантов, ожидавших назначения сына вторым секретарем посольства в России. К тому же пошли слухи, основанные на показаниях Лермонтова о его выстреле «на воздух», невыгодные для репутации француза. Де Барант спешно обходит все знаковые гостиные Петербурга и обвиняет Лермонтова во лжи. В результате на состоявшейся 22 марта вечером встрече на гауптвахте происходит объяснение, на котором Лермонтов при двух свидетелях заставляет де Баранта признать правоту своих слов под угрозой готовности ответить на возможный новый вызов противника. Слухи о подробностях встречи противников на гауптвахте доходят до военного начальства и вызывают некое подобие гнева из-за самовольного ухода на некоторое время из-под ареста Лермонтова и нового вызова на дуэль, хоть и в предположительной форме. Это осложняет дело. Родители де Баранта, обращаясь к великому князю Михаилу Павловичу, настаивают на том, что Лермонтов вызвал их сына на дуэль. Их поддерживает Бенкендорф, им сострадает семейство Нессельроде. И все дальнейшие события, включая требование письменного извинения Лермонтова перед де Барантом, показывают, что главными врагами поэта были уже отметившиеся в истории гонители Пушкина. При сочувствии и поддержке, как и при убийстве Пушкина, той же команды «доброжелателей» от большого света.

13 апреля последовала конфирмация его императорского величества: «Поручика Лермонтова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином» с добавлением «исполнить сего же дня». Странник, духовный изгнанник Лермонтов отправляется во вторую, теперь уже последнюю, ссылку на Кавказ. Ему 25 лет, но на его творческом

счету более трёх сотен стихотворений, разного, конечно, достоинства, но в их числе и «Ангел», и «Смерть поэта» и «Бородино», и «Дума», более десятка поэм, включая «Демона» и «Мцыри», пять написанных в прозе и стихах драм, одна из которых – «Маскарад», два неоконченных романа и один уже изданный – «Герой нашего времени». И полная драматических событий жизнь – офицерская служба под пулями хищников на Кавказе, первая дуэль и вторая ссылка, причем не в тихое имение, а на войну. Жизнь его сопровождается шепотком сплетен, а потом они переходят в легенды, мемуары, исследовательские труды. По иным из них вполне можно сделать вывод, что Лермонтова при жизни видели мрачным, дерзким, надменным, если не Демоном, то, во всяком случае, Фаталистом. Но, открыв словарь языка поэта, можно обнаружить, что любимыми лермонтовскими глаголами были: знать, любить, хотеть, видеть, говорить, жить. А любимыми существительными - душа, сердце, жизнь, Бог, слово, люди, человек. Стараясь постичь жизнь великого поэта, не перестаю удивляться, насколько спрятана подлинная духовная жизнь Лермонтова от нескромных любопытных глаз, но и кажется открытой для глаз ищущих, познающих и сострадающих...

Провожая Лермонтова на Кавказ, Владимир Федорович Одоевский подарил ему записную книжку с надписью: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил ее сам, и всю исписанную». В неё поэт вписал свои прощальные шедевры: «Спор», «Сон», «Тамару», «Свидание», «Листок», «Выхожу один я на дорогу» и другие стихи, а также – черновой набросок «Штосса». Сам поэт вернуть другу записную книжку не смог и всю книжку не исписал – не успел. И в последнюю встречу, и раньше они спорили о религии и, наверное, поэтому Одоевский записал в той же книжке из Евангелия: «Держитесь любви, ревнуйте же к дарам духовным да пророчествуйте. Любовь николе отпадет». Продолжая, возможно, тему споров, Лермонтов написал стихотворение «Пророк», оказавшееся последним в записной книжке, дальше уже шли чистые листы...

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня же ближние мои
Бросали бешено камня...

15 июля 1841 года между шестью и семью часами вечера у Перкальской скалы на окраине прифронтового города Пятигорска отставной майор Николай Мартынов застрелил поручика Михаила Лермонтова при обстоятельствах, до сего времени неясных.

ЗА ЧЁРНОЙ РЕЧКОЙ В ЛЕСНОМ

... А ты, брат наших ты сердец,
Герой, столь рано охладелый,
Взнесись в небесные пределы:
Завиден, славен твой конец!
Ликуй: ты избран русским богом
Всем нам в священный образец!
Тебе дан праведный венец!
Ты чести будешь нам залогом!

В. Кюхельбекер. На смерть Чернова.

На окраине парка Лесотехнической академии (ранее - Лесного института, альма-матер Павла Григорьевича Анциферова), там, где от проспекта Энгельса начинается Новороссийская улица (бывшая Новосильцевская), есть два двухэтажных дома. Ещё в пору моей студенческой юности между ними была старинная ограда с необычным и печальным узором - ветками лавра с крупными черными цветками, переплетающими чугунную решетку. Дальше за домами, на уединенной аллее, на расстоянии десяти шагов друг от друга, врыты в землю две круглые гранитные тумбы. В 1988 году рядом с ними появилась гранитная стела в память о гибельной для обоих соперников дуэли, состоявшейся на рассвете 10 сентября 1825 года. Стрелялись подпоручик лейб-гвардии Семёновского полка, член Северного тайного общества Константин Чернов и флигель-адъютант, поручик лейб-гвардии Гусарского полка Владимир Новосильцев. Красавец гусар, внук знаменитых Орловых, хорошо образованный, музыкально одарённый Владимир Новосильцев влюбился в семнадцатилетнюю девушку Екатерину Чернову, отличавшуюся редкой красотой и весёлым характером¹⁴. Юная красавица Екатерина ответила ему взаимностью, и вскоре Новосильцев просил руки девушки, на что и получил согласие ее родителей. Уже состоялось обручение, но когда было спрошено разрешение матери жениха, Екатерины Владимировны Новосильцевой (урожденной графини Орловой, крестницы и фрейлины Екатерины II), та ответила единственному обожаемому сыну строгим приказанием: немедленно прекратить все отношения с невестой и ее незнатным семейством. Не смея поступить вопреки воле матери, Новосильцев не смог и объявить сразу о разрыве любимой девушке и её родственникам. Спустя некоторое время, Константин Чернов, брат Екатерины, потребовал объяснений вплоть до «приглашения к барьеру». И потянулась долгая история с обещаниями, переносами сроков венчания, обвинениями, прощениями и двумя, но отмененными, вызовами на дуэль. Активно было Северное тайное общество, члены которого видели в конфликте политическую составляющую - бедный незнатный поручик Семеновского полка против принадлежащего к высшей знати адъютанта государя императора. Финалом длившейся почти год истории стал окончательный картель с участием секунданта Чернова, его двоюродного брата Кондратия Фёдоровича Рылеева. Условия дуэли были необычными, напоминавшими суровые времена Рима: Новосильцев должен был стреляться насмерть с братьями своей невесты по старшинству и, если они все падут, то и с их отцом Пахомом Кондратьевичем Черновым¹⁵. Накануне дуэли, в кругу членов Северного тайного общества, Константин Чернов написал и зачитал

предсмертную записку: «...Стреляюсь на три шага, как за дело семейственное, ибо, зная братьев моих, хочу кончить собою на нем... Пусть паду я, но пусть падет и он в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмеялись над невинностью и благородством души»¹⁶. Поступок Чернова был объявлен будущими декабристами гражданским подвигом. Стрелялись красавцы гвардейцы «на расходе в пяти шагах», выстрелили одновременно и через несколько дней скончались. Пока были живы, искренне интересовались состоянием друг друга с надеждой на сохранение жизни соперника и сожалая о нанесенных ранениях. Слухи о дуэли, ее причинах и печальном исходе вызвали необыкновенное возбуждение в Петербурге. В день похорон Чернова 26 сентября от казарм Семёновского полка к Смоленскому кладбищу двинулась несметная похоронная процессия. Один из руководителей Северного тайного общества Евгений Петрович Оболенский вспоминал: «Длинной вереницей тянулись знакомые и незнакомые, пришедшие воздать долг умершему юноше. Трудно сказать, какое множество провожало гроб. ...Все, что мыслило, чувствовало, соединялось тут в безмолвной процессии и тем самым выказывало сочувствие тому, кто собою выразил общую идею ..., идею слабого против сильного, скромного против гордого»¹⁷. К дню похорон Вильгельмом Кюхельбекером было написано, а Кондратием Рылеевым - отредактировано стихотворение «На смерть Чернова»¹⁸, ставшее своеобразной клятвой и кодексом чести декабристов.

И уже через два с половиной месяца, утром 14 декабря, декабристы выйдут на Сенатскую площадь. Их поддержат около 3 тысяч человек, но не будет теперь того единодушия, которое казалось незыблемым в сентябрьской манифестации. Утвержденный накануне диктатором Трубецким план вывода войск на Сенатскую площадь, захвата Зимнего дворца, Сената, ареста царской семьи и, в конечном счёте, принудительного введения в России конституционного строя окажется обречённым. Рылеев будет метаться, пытаясь найти в последний момент отказавшегося от участия в восстании Трубецкого и уговорить действовать Якубовича. Потом, как угорелый, бросится во все казармы, в караулы, чтобы собрать побольше силы. Вернувшись к площади к трём часам дня, он уже не сможет пробраться к своим и увидит страшное действие картечи. Он будет почти уверен, что его соратники погибнут и ему покажется, что и сам он убит, растерзан, втоптан в кровавый снег. Но потом узнает, что ни один из тридцати бывших под огнём декабристов, не будет ни убит, ни даже ранен. Судьбе, видимо, будет угодно сохранить их не только для страданий, но для того огромного влияния на русское общество, которое они будут оказывать до самой своей смерти. «Я тоже был бы там» - честно ответит Пушкин на вопрос государя императора о его присутствии на Сенатской площади среди декабристов, будь он 14 декабря в Петербурге, и разъяснит, - но не потому что разделял их убеждения, но потому что там были его друзья....

13 июля 1826 года пятеро из декабристов - Кондратий Рылеев, Павел Пестель, Михаил Бестужев-Рюмин, Сергей Муравьёв-Апостол и Петр Каховский - будут повешены на Кронверке Петропавловской крепости. Полвека страна не видела публичных казней и не захочет видеть. Ночью, накануне казни, кто-то украдёт перекладину виселицы (говорили, что деревянный брус исчез по дороге вместе с возчиком и телегой). Затем, когда все приготовления будут завершены и палач нажмёт на рычаг, Пестель и Каховский повиснут, а три верёвки оборвутся – Муравьёв-Апостол, Бестужев-Рюмин и Рылеев обрушатся в яму – вслед за досками и скамьями. Кто-то из солдат заметит: «Знать, бог не хочет их смерти». Да и обычай такой был: сорвался висельник – его счастье, и дважды не вешали. Но казнь продолжат: палачи выволокут из

ямы несчастных и вновь накинут на них петли. Тут не выдержит Бенкендорф – падёт ничком на шею своей лошади и в таком положении останется до конца казни. Священник поднимет крест и, едва начав говорить последние слова, зашатается и упадёт без чувств. Когда очнётся – всё будет кончено....

Блистательная пора в истории России, отмеченная победой над Наполеоном, год за годом отступая от «дней Александровых прекрасного начала», через Кронверк Петропавловской крепости перейдёт к череде трагедий. Дальнейшая судьба России подтвердит актуальность исторического изречения Пушкина: «Конечно, должны еще произойти великие перемены, но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения общественных нравов без насильственных потрясений политических, страшных для человечества»...

А Екатерина Владимировна Новосильцева всю оставшуюся жизнь не снимала траурных одежд и часто просила своего духовника митрополита Московского Филарета: «Я убийца моего сына; помолитесь за меня, владыко, чтобы я скорее умерла». Она выкупила в Петербурге землю, где произошла дуэль, построила там церковь во имя Святого Равноапостольного князя Владимира, богадельню при ней и всю себя посвятила благотворительности и служению больным и увечным. Вплоть до начала двадцатого века у офицеров существовал обычай: в случае грозящей опасности или при отъезде в «горячие точки» приходиться молиться в эту церковь. Церковь была взорвана в печальной памяти 1932 году, а два дома Новосильцевской богадельни сохранились и их по-прежнему можно видеть на окраине парка Лесотехнической академии, там, где от проспекта Энгельса начинается Новороссийская улица (бывшая Новосильцевская)...

В ПУШКИНСКОМ СКВЕРЕ У ОБЕЛИСКА

Все беззащитнее душа
В тисках расчетливого мира,
Что сотворил себе кумира
Из темной власти барыша.

И все дороже, все слышней
В его бездушности преступной
Огромный мир души твоей,
Твой гордый голос неподкупный.

Звучи, божественный глагол,
В своем величье непреложный,
Сквозь океан ревущих волн
Всемирной пошлости безбожной...

Ты светлым именем своим
Восславил имя человечье,
И мир идет тебе навстречу,
Духовной жаждою томим.

А. К. Передреев

Пересекаю Ланское шоссе, иду далее до Коломяжского проспекта, поворачиваю направо и, миновав железнодорожный переезд, подхожу к Пушкинскому скверу. Здесь

всё, как обычно: заснеженная площадка вокруг обелиска, чернеющие ветки деревьев, негромкие голоса пришедших уже сюда людей, выбитые на стеле строки гениального трагического Лермонтова. И яркие страницы в памяти: заснеженный Петербург, январский ясный ветреный день, парные сани, везущие вдоль Невы запахнутого в медвежью шубу Пушкина и его лицейского приятеля Константина Карловича Данзаса. У Данзаса на перевязи раненая на турецкой войне рука и от недобрых предчувствий сжимается сердце, а в санях лежит футляр с дуэльными пистолетами. Далее - небольшая, скрытая кустарником площадка за Комендантской дачей близ Чёрной речки, встреча с приехавшими туда Дантесом и его секундантом д'Аршиаком, протаптываемая секундантами в глубоком снегу тропинка в двадцать шагов. И желание остановить на этом цепь событий, но нет - приготовления завершены, взмах шляпой Данзаса и... Дантес неожиданно для соперника стреляет с ходу, не дойдя одного шага до барьера. Пушкин еще не закончил классический полуоборот, принятый при дуэлях, его рука с пистолетом вытянута вперед, и правый бок и низ живота совершенно не защищены. Он падает лицом вперёд на шинель, служащую барьером. Секунданты бросаются его поднимать, но Пушкин говорит по-французски: «Я чувствую достаточно сил, чтобы сделать выстрел». Дантес возвращается на место, встаёт вполоборота, прикрывая грудь правой рукой. В эти мгновения, мне кажется, какие-то догадки осеняют Константина Карловича: возможно, он вспоминает, что из-за спешки в связи со скорым наступлением сумерек не был произведён подробный осмотр дуэлянтов, как это положено по артикулу. И, может быть, поэтому два листа в подлинном военно-судебном деле (№№ 67, 68) с его показаниями будут вырваны и канут в Лету. Но... цепь событий продолжается: полулёжа, опираясь на левую руку, истекающий кровью поэт целится около двух минут и стреляет. Дантес падает, получив ранение в руку и удар «в правой верхней части брюха, где вылетевшая пуля причинила контузию...»¹⁹. Пушкин теряет сознание, но через некоторое время приходит в себя. И далее - тяжелейший часовой путь длиной в семь с половиной вёрст до дома на набережной Мойки, 12, и ещё сорок шесть часов земной жизни дивного гения России...

В сквере становится многолюднее, все больше цветов ложится к подножию обелиска. Наверное, это правильно, что сегодня здесь не произносятся громкие речи и не читают стихи. В сосредоточенной тишине, в которой, кажется, не ощущается даже приглушенный шум большого города, обращение к поэту, к его памяти, возвышает и чувства, и мысли. Можно вспомнить по этому поводу выражение Александра Николаевича Островского: «Через Пушкина умнеет всё, что может поумнеть». Образ Пушкина - поэтический, интеллектуальный, человеческий - безмерен. Чем больше читаешь и самого Пушкина, и свидетельства о нем, и исследования, тем больше хочется узнавать, будто заглядываешь в бездну, где «числа нет звездам, бездне дна». Александр Сергеевич всё время учился; к 1826 году он - один из самых эрудированных людей своего века. «Вместе с античными поэтами, трагиками и мудрецами, незримыми учителями и спутниками жизни Пушкина начиная с детских лет были поэты, драматурги и мыслители эпохи французского Просвещения. В его библиотеке было восемь томов сочинений Платона... Пушкин читал и перечитывал Монтескье, Вольтера, Дидро, Руссо, Гольбаха, Гельвеция. ...В библиотеке Пушкина, кроме того, хранились сочинения Сен-Симона, Франклина, Гоббса, Лапласа, Лафатера, Лейбница, Макиавелли, Мирабо, Вико, Паскаля, Сенеки, Саллюстия, Плиния, Тацита, Бюффона, Кювье и других мыслителей и ученых»²⁰. Поэт внимательно следил за развитием естественнонаучной мысли того времени. Это и явления электромагнетизма, открытые Эрстедом, и изыскания электромагнитной индукции Фарадеем и Ленцем, и изобретение электродвигателя

Якоби, и действующая модель электромагнитного телеграфа Шиллинга, показанная в Петербурге. Только прямой запрет его императорского величества не позволил Пушкину отправиться вместе с Шиллингом в научную экспедицию. На страницах «Современника» Пушкин печатает статью князя Петра Борисовича Козловского «Разбор Парижского математического ежегодника», с трудом прошедшую высочайшую цензуру. Затем печатает статью того же автора по теории вероятностей. По просьбе поэта, переданной в ночь перед дуэлью, Козловский пишет статью по теории пара и она будет опубликована уже после смерти Пушкина. Действительно, гений не может быть односторонним; он живет в мире своих открытий во многих измерениях:

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...

Дух Пушкина – дух просвещения. Познав Слово, он поднял Дух, подняв Дух, он возвысил Слово. «Говоря о Духе Пушкина, нет надобности распространяться об его жизни, с ее страстями и ошибками, с ее грехами и падениями. Эту жизнь нужно узнать, чтобы познать Дух Пушкина. Этой жизнью, конечно, жила, в ней и ею наслаждалась и страдала, упивалась и изнывала его душа. Но эту жизнь преодолевал его Дух. Преодоление себя, своей Души в Слове и обретение через Слово своего Духа есть самое таинственное и самое могущественное, самое волшебное и чарующее, самое ясное и непререкаемое в явлении: Пушкин»²¹...

Вспоминаю случай из почти уже двадцатилетнего своего прошлого: 1996 год, Чикаго, авеню Девон, магазин «Каштан», где можно купить книги на русском языке и почти свежие газеты. Бываю там нечасто, это не так близко от Батавии, где работаю в Национальной лаборатории им. Ферми. Однажды в моё присутствие вошли в магазин пожилой человек с девочкой лет десяти, по всей видимости, внучкой. Он спросил Пушкина, продавец ответил с сожалением, что Пушкина пока нет. Посмотрев книги, дедушка с внучкой вышли. Через некоторое время вышел и я, направляюсь к машине и слышу:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Это недавние посетители магазина сидели на скамейке; дедушка продекламировал строфу и замолчал. Возникшее «мимолетное виденье» было поразительным: мои нечастые присутствия при разговорах бывших соотечественников оставляли впечатления другие, отнюдь не поэтические. А тут Пушкин и его предпоследняя строфа стихотворения, которое многие считают прощальным. Но там ведь была ещё одна, последняя, строфа и я всю обратную дорогу до Батавии пытался её вспомнить. И вспомнил только в конце пути:

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

И уже надолго остались воспоминания об этом стихотворении, написанном Пушкиным в 1836 году, обнаруженном Жуковским при посмертном изучении рукописей поэта и увидевшем свет только через четыре года после его смерти – в 1841 году. Всякий раз оно приходит на память здесь, в Пушкинском сквере 8 февраля.... Действительно, может показаться, что в «Памятнике» сам поэт видел «своего рода прощание с жизнью и творчеством в предчувствии близкой кончины»²². Тем более, что кончина Пушкина близкой и оказалась. Но мечталось ему о другом:

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит -
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить, и глядь - как раз - умрём.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля -
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

«О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги, труды поэтические – семья, любовь etc. – религия, смерть» - добавляет он в продолжении к этому стихотворению. Здесь смерть – естественный итог спокойной, долгой, патриархальной, мудрой жизни. И рассчитывал Пушкин продолжать свои «труды поэтические» долго: ещё летом 1836 года он расписывал по годам этапы завершения «Истории Петра». А за три дня до смерти он сказал Далю: « Я только что перебесился. Я буду ещё много работать. О, вы увидите, я ещё много сделаю!». Земной же жизни поэта оставались считанные часы ...

Нет, весь я не умру - душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Наступают сумерки, половина пятого, приближается время дуэли. В сквере по-прежнемулюдно, рядом негромкий разговор двух женщин с явно слышимыми словами «Наталья Николаевна». Мне совсем не хочется помнить о светских пересудах «надменных потомков», как не хочется откликаться на их современные «версии». Это была замечательная пара - первый поэт и первая красавица России! Ведь был же всплеск вдохновения, гениальные стихи поэта, влюблённого в свою Натали! И были строки к жене: «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, - а душу твою люблю я еще более твоего лица!» И все же их венчание - это начало трагедии.... На смертном одре, когда православный человек говорит от имени истины, поэт сказал: «Она ни в чём не повинна». А в тех, высших пределах, где дано судить, воздастся уже каждому.

Что же материализовалось в виде Дантеса у противоположного барьера, откуда вылетела смертельная пуля? Заговор «общества», как считали Тынянов и Лермонтов, или несчастный случай, семейная драма, трагедия ревности по мнениям «света»? Или своя воля Пушкина окончить земное поприще, как считали Хомяков, Павлицев, Павел Вяземский? Или «предсмертные вздохи Пушкина и также культуры пушкинской поры» по мнению Блока? Вересаев в своей книге «Пушкин в жизни. Эпилог» писал: «Можно

добавить много тонких оттенков к этим объяснениям, но общая суть остаётся неизменной: на беду его, он был Поэтом, т.е. человеком, исполненным благородства, с возвышенной, смелой и чувствительной душой». Наверное, лучше не скажешь. Но одно свидетельство штаб-лекаря Стефановича из его рапорта от 5 февраля 1837 года не даёт покоя, отчего цепь событий, приведших к гибели Поэта, представляется мне ещё более злободневной: «Поручик барон Геккерен имеет пулевую проникающую рану на правой руке ниже локтевого сустава на четыре поперечных перста; вход и выход пули в небольшом от друг друга расстоянии. Обе раны находятся в сгибающихся персты мышцах, окружающих лучевую кость более к наружной стороне. Раны простые, чистые, без повреждения костей и больших кровеносных сосудов... Больной может ходить по комнате, разговаривать свободно, ясно и удовлетворительно, руку носит на повязке и, кроме боли в раненом месте, жалуется также на боль в правой верхней части брюха, где вылетевшая пуля причинила контузию, каковая боль обнаруживается при глубоком вдыхании, хотя наружных знаков контузии не заметно»¹⁹. Есть еще один документ, где упоминается контузия в брюхо барона Геккерена - донесение старшего врача полиции Юденича²³. Итак, от удара пули, свалившего с ног кавалергарда, гематомы или даже ссадины не заметно, а боль в месте удара ощущается «при глубоком вдыхании». Такое несоответствие было необычным, и честный и грамотный врач Яков Васильевич Стефанович счёл необходимым отметить это в своём рапорте. Сторонники лирической природы явления, считающие, что защиты на теле Дантеса не могло быть, потому что ее быть не могло, рапорт лекаря Стефановича, как правило, не упоминают²⁴. С точки же зрения объективной физической реальности пуля, причинившая «контузию в верхней части брюха», натолкнулась на значительных размеров препятствие, защитившее Дантеса от неминуемого ранения, сравнимого с нанесенным Пушкину. Сомнения в «чести офицера и достоинстве дворянина» дуэльной партии Геккеренов появились сразу после поединка. По горячим следам свершившейся трагедии Жуковский утверждал, что поэт был убит «человеком без чести; дуэль произошла вопреки правилам – подло»²⁵. Позже, среди прочих, своё мнение выразила Леония-Шарлотта, третья дочь Дантеса: она в совершенстве выучила русский язык, читала в подлиннике Пушкина, понимала его значение для русской и мировой культуры. Кроме того, она самостоятельно прошла весь курс Политехнического института²⁶, обнаружив отличные знания по оценкам именитых профессоров. Имея представление о таких физических понятиях, как сила, давление, кинетическая энергия, Леония-Шарлотта вынесла приговор отцу: «Ты - убийца!». Ничего не бывает случайно в жизни! Все отдается обратно, так или иначе, и добро и зло...

Ухожу от обелиска уже затемно. Но ещё различимы слова на стеле: «Погиб поэт! - невольник чести - пал, оклеветанный молвой, с свинцом в груди и жаждой мести, поникнув гордой головой...». Как истинно русский человек, Лермонтов смог ощутить бездушное отношение к гибели величайшего поэта его страны с тем негодованием и с той страстью, на которые была способна его благородная душа. Вместе с тем, в заключительных шестнадцати строках стихотворения «Смерть поэта» Михаил Юрьевич недвусмысленно указывает на тех, кому была выгодна смерть Пушкина (основной вопрос римского права). В последовавших затем показаниях следственной комиссии поэт ещё и уточняет: «сановники государственные ... единственно по родственным связям или вследствие их искательства принадлежавшие к высшему кругу и пользующиеся заслугами своих достойных родственников, не переставали омрачать память убитого и рассеивать разные невыгодные для него слухи». То есть, здесь уже речь идёт о тех, кто и после смерти поэта не угомонился в злословии. Казалось, круг уже достаточно сужен и есть основания для объективного расследования. Но призыв «Отмщенье, государь,

отмщенье!», содержащийся в эпитафии, ужаснул государя императора настолько, что он усомнился в душевном здоровье автора.

Далее карьере сановников, упомянутых поэтом, уже ничего не угрожало. Один из них станет шефом жандармов и едва не казнит Достоевского, другой станет военным министром, подпишет приказ по пехоте об исключении из списков Тенгинского полка умершего поручика Лермонтова и «добьется» поражения в Крымской войне, третий, став министром государственных имуществ, оставит армию в этой войне без провианта и сапог, четвертый... . Впрочем, довольно и того. Сам же государь император не вынесет позора поражений; его внезапная смерть 18 февраля 1855 года вызовет устойчивую легенду о самоубийстве и, видимо, навсегда останется тайной²⁷.

Ухожу от обелиска, сознавая, что не с Дантесом стрелялся Пушкин, а со всем «свинским Петербургом». Ведь не в этом же иноземном кавалергарде, изображавшем светского шалопаю, любимце дам и, одновременно, старшего «милого друга», было, собственно, дело. Дело было в стремлении поэта отстоять свою честь крайним, но единственно возможным способом. Отвечать сплетней на сплетню, интригой на интригу он не мог и не умел. Жаловаться было некому. Оставалось одно - стрелять. В старого ли Геккерена, в молодого ли - не важно. Но одновременно в них всех, в их мораль, образ жизни, навязываемый и ему камер-юнкерским мундиром.

Гибель Пушкина глубокой болью отозвалась в среде русского общества. «Все классы петербургского народонаселения, - вспоминал Иван Иванович Панаев, - даже люди безграмотные, считали как бы своим долгом поклониться телу поэта. Это было уже похоже на народную манифестацию, на очнувшееся вдруг общественное мнение»²⁸. В дни прощания в дом поэта приходили по разным оценкам от тридцати до пятидесяти тысяч человек. В основной массе это были люди, оплакивавшие кончину поэта от всего сердца. Другое было в гостиных графини Нессельроде, графа Строганова, княгини Белосельской-Белозерской, где продолжали терзать душу Пушкина и жалели о судьбе Геккерена. «Одна так называемая знать наша или высшая аристократия не отдала последней почести гению русскому; почти никто из высших чинов двора, из генерал-адъютантов и пр. не пришел ко гробу Пушкина»²⁹. Открытое сражение поэта, в ходе которого принесена в жертву собственная жизнь, было воспринято русскими людьми как нравственный подвиг:

... И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил –
И осененный опочил
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь ...
Тебя ж , как первую любовь,
России сердце не забудет!

Гибель Пушкина стала исторической катастрофой исключительно важного для России мировоззрения - просвещенного дворянства. Это развивающееся мировоззрение могло в дальнейшем сыграть решающую роль в судьбе России и стать опорой необходимых последовательных, продуманных реформ. Но ставка была сделана на новую бюрократическую знать, глубоко чуждую дивному гению ...

Литература:

- ¹ - Ширяев Н.Л. Царскосельская легенда и действительность//Исторический вестник, 1892 - Т.48.-№5. С.582.
 - ² - Балязин В.Н. Жизнь и смерть Александра Ланского// Тайны дома Романовых – М: «Элма Медия Групп», 2012. С.56-57.
 - ³ - Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах – М.: Худож. лит., 1959.-Т2-С619-621.
 - ⁴ - Русский архив, 1864, №7-8. С.824-831.
 - ⁵ - Максимилиан Волошин. Воспоминания о Черубине де Габриак// Николай Гумилёв в воспоминаниях современников. Репринтное издание. -М.: "Вся Москва", 1990.С.145
 - ⁶ - Владимир Набоков. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб. 1988. С. 357-358.
 - ⁷ - Алексей Толстой. Н. Гумилёв // Николай Гумилёв в воспоминаниях современников. Репринтное издание. -М.: "Вся Москва", 1990.С. 41.
 - ⁸ - Из городского фольклора: На улице Шпалерной
Стоит волшебный дом:
Войдёшь в тот дом ребёнком,
А выйдешь - стариком.
Георгий Степанович Жженов. Рассказы: <http://www.litmir.net/br/?b=46068&p=12>
 - ⁹ - Н.П. Анциферов. Из дум о былом. – М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. С.328.
 - ¹⁰ - Ростопчина Е.П. Из письма к Александру Дюма (1858) – Воспоминания. С.284.
- Перевод с фр.
- ¹¹ - П.А. Висковатов. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество - М.: «Современник», 1987. С.286.
 - ¹² - Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. 2-е изд. испр. и доп. – М.: Худож. лит., 1986.С.6.
 - ¹³ - Белинский В.Г. Полн. собр. соч. – М.: Издательство АН СССР, 1956.-Т. XI С.496.
 - ¹⁴ - Исторический вестник. 1901. Май - С593.
 - ¹⁵ - Лотман Ю.М. Русская литература. 1961. №3.С.153-159.
 - ¹⁶ - Шубинский С.Н.Исторические рассказы и очерки. СПб.1908.С.634.
 - ¹⁷ - Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905.Е.1.С.242.
 - ¹⁸ - Вильгельм Кюхельбекер. На смерть Чернова// Андрей Чернов. Длятся ночи декабря. Санкт-Петербург-Москва Летний сад.2008.С.285.
 - ¹⁹ - Штаб-Лекарь Стефанович в рапорте от 5 февр. 1837 г. Дуэль Пушкина. Подлинное военное дело. СПб., 1900. С.32.
 - ²⁰ - Генрих Волков. Мир Пушкина: личность, мировоззрение, окружение. Москва., Мол. Гвардия, 1989.С.212.
 - ²¹ - Струве П. Б. Дух и слово Пушкина. Из речи, произнесенной на торжественном собрании в Русском Доме имени Императора Николая II в Белграде 10 февраля 1937 г., организованном Юго-славянским Отделом Зарубежного Пушкинского Комитета.
 - ²² – М.П. Алексеев. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Наука, Ленинград, 1967. С224.
 - ²³ - П.Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. – М.: Книга, 1987- Кн.1, С.221.
 - ²⁴ - Левкович Я.Л. Две работы о дуэли Пушкина// Русская литература. 1970. №2.
 - ²⁵ - Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1974. С.42.
 - ²⁶ - Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. - М.: Советская Россия, 1980. С.337.
 - ²⁷ - И. В. Зимин. Загадка смерти Николая I // НИКОЛАЙ I: PRO ET CONTRA. Антология: Санкт-Петербург, 2011. С 659-675.
 - ²⁸ – Панаев И.И. Литературные воспоминания. М.;Л.: Правда, 1988. С.226.
 - ²⁹ – Тургенев А..И. Письмо к А.И. Нефедьевой, 1 февраля 1837 г.
- ФЭБ: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/ps6/ps620644.htm>